

ЕВРОПА 15.07.2022 | Марта Гилл

Ужасная ошибка

Борис Джонсон пережил не один скандал. Почему он подал в отставку именно сейчас? Он извинился.

Время Бориса Джонсона на посту премьер-министра подошло к концу.

В прошлый вторник два крупнейших игрока в его правительстве – канцлер казначейства Риши Сунак и министр здравоохранения Саджид Джавид – подали в отставку один за другим, а за ними быстро последовали законодатели, младшие министры и помощники в парламенте.

В среду ситуация ухудшилась. Каскад отставок завершился необычной встречей на Даунинг-стрит, 10, в официальной резиденции премьер-министра. Собралось множество членов кабинета, которые потребовали отставки г-на Джонсона. Он отказался, но к утру четверга согласился покинуть пост лидера Консервативной партии. На посту премьера он планирует оставаться до осени, хотя неясно, удастся ли это ему.

Непосредственной причиной ситуации с премьер-министром стал очередной скандал. Недавно стало известно, что Борис Джонсон назначил депутата Криса Пинчера на должность, где он отвечал бы за дисциплину и благополучие в Консервативной партии, несмотря на то, что его обвиняли в сексуальных домогательствах. Премьер-министр сначала попытался заявить, что не знал об обвинениях. Но общественность возмутили доказательства того, что он все-таки об этом знал.

Хотя скандал, бесспорно, неприятен, это далеко не худший проступок Джонсона. (Проступков было столько, что перечислить их практически невозможно.) Тем не менее именно этот стал последней каплей для карьеры человека, который в последние месяцы развеивал все надежды, что он будет отстранен от должности – человека, оптимизм и бахвальство которого стояли выше любых политических практик. В этой лихорадочной атмосфере британской политики звучит много вопросов. И самый актуальный: почему

сейчас?

Конечно, отчасти ответ заключается в том, что господа Сунак и Джавид, осознавая глубокое недовольство в партии, выжидали удобного момента, чтобы свергнуть премьер-министра. Но почему именно этот момент оказался подходящим?

Как ни странно, последней каплей для Бориса Джонсона был не скандал, а то, что он извинился. Во вторник он пошел наперекор всем своим личным политическим традициям и признал свою вину в назначении Пинчера. «Это была ошибка, – сказал он, – и я прошу за это прощения». Через несколько минут начались отставки.

За время своего пребывания в должности, отмеченное скандалами и спорами, Джонсон иногда выражал сожаление или нерешительно предполагал, что что-то изменится. Но он ни разу не извинялся на самом деле. Наряду с бурным юмором и невозмутимым поведением это стало краеугольным камнем его поведения и стиля. Теперь, когда вся страна ожидает его отставки, он может подумать о том, что из всех его просчетов самым большим было извинение.

Борис Джонсон должен был это предвидеть. В январе под давлением многочисленных доказательств нарушения ограничений, связанных с пандемией, он стал казаться менее жизнерадостным. «Я глубоко и горько сожалею о том, что произошло», – признался он в телеинтервью, глядя себе под ноги. Реакция последовала незамедлительно.

Законодатели-консерваторы, которые до этого довольно оптимистично относились к все новым и новым подробностям о вечеринках на Даунинг-стрит, заявили, что направили письма о недоверии премьеру. Один из них даже перешел в другую партию. Комментаторы пророчили ему скорую отставку. Драма утихла только тогда, когда на следующий день Джонсон вернулся к своему бравурному стилю – стал отмахиваться от критики и вести себя так, словно ничего не случилось.

В последующие недели и месяцы, в течение которых независимое расследование показало, что чиновники действительно нарушили ограничения, связанные с коронавирусом, а рейтинги одобрения премьер-министра резко упали, Борис Джонсон был близок к извинению только раз – когда полиция оштрафовала его за посещение нелегальной вечеринки. Но и здесь извинение было частичным, оправдательным. И даже когда был объявлен вотум недоверия, он отказался ставить себя в уязвимое положение.

У него почти получилось. Джонсон остался на посту, несмотря на то, что 40 процентов членов его собственной партии проголосовали против него. Казалось, что это тупиковая ситуация, которая, вероятно, продлится все лето. Затем последовали события прошлой недели.

Стоит подумать, почему извинение настолько изменило ситуацию.

По правде говоря, решение о наказании за моральные проступки часто бывает не таким простым, как нам хотелось бы думать.

Скандалы, как правило, разгораются не в тот момент, когда люди узнают о проступках – например, в Вестминстере уже давно ходят истории о ненадлежащем поведении Пинчера, – а когда они полагают, что большинство других людей считает эти проступки неправильными. В конце концов, этические суждения не возникают в вакууме.

В политике, где поддержка имеет очень конкретное количественное измерение, это особенно справедливо. Когда политики извиняются, это часто не смягчает ситуацию, а напротив, начинает настоящий шквал критики. Подтверждая, что вы сделали что-то не так, вы даете обвинителям право вас преследовать. Это будто дает им дополнительную возможность вас осудить. Конечно, речь не идет о том, что если политики совершили ошибку, с их стороны будет неправильным попросить прощения. Просто в политике такая тактика обычно проигрышна.

Это не новое явление, даже если в эти яркие времена политическая цена извинений, похоже, возросла. Например, Ричард Никсон окончательно утвердил свою сомнительную репутацию, когда извинился за то, что сделал. Политическая карьера британского вице-премьера Ника Клегга так и не восстановилась после того, как он извинился за нарушение предвыборного обещания. Также распространено мнение, что именно извинения Эла Франкена после обвинений в сексуальных домогательствах ослабили его политическую позицию.

Казалось, что Борис Джонсон лучше любого предшественника уяснил этот парадокс. Он прекрасно умел избегать извинений. Его беззаботные опровержения вызывали своего рода когнитивный диссонанс в умах тех, кто его обвинял: может, они что-то упустили? Они сошли с ума? Или это он сошел с ума – и позволял своим сторонникам также придумывать собственные опровержения. В последние месяцы это создало своего рода моральный вакуум в британском правительстве, в котором, казалось, никто не был в силах привлечь премьера к ответственности.

Теперь это не так. Власть Бориса Джонсона практически закончилась. И его вряд ли утешает то, что винить, кроме себя, ему некого.

(c) The New York Times

Марта Гилл

Лондон

Марта Гилл (Martha Gill) – политическая журналистка. Она является обозревателем журналов Economist и New Statesman, пишет для Guardian, NYT и Observer.

